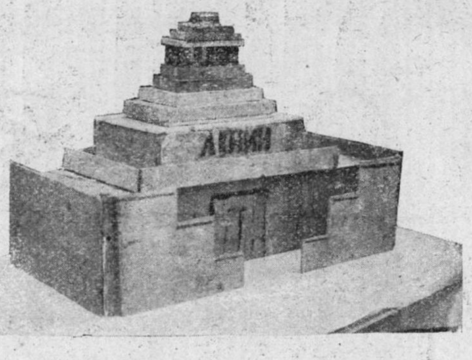

ПИОНЕР
№ 1
1925

КАК СТРОИТЬ МАВЗОЛЕЙ

Приближается день Ильича. По всем отрядам идет подготовка к нему. Проводятся беседы, рисуют, клеят макеты.

Большое место в Ленинском уголке должен занимать мавзолей Ильича. И вот, как сделать мавзолей, я сейчас расскажу.

Лучше всего его сделать из фанеры. Для этого на листе фанеры вычерчиваются все части по указанным размерам. Части вырезаются или острым ножом, по линейке, или же выпиливаются лобзиком, при чем лучше работать ножем, так как это скорее и притом же при выпиливании лобзиком получаются неровные края, и их приходится выравнивать подпилком.

ЛЕНИН

Рис 1

Размер модели я даю здесь таким, каким он сделан в нашем отряде. Конечно, его можно увеличивать или уменьшать, но все это должно делаться в целое число раз. Увеличить, так увеличить в два, три раза, то же и уменьшать.

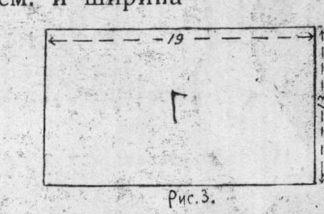
Все размеры даны в сантиметрах (см.).

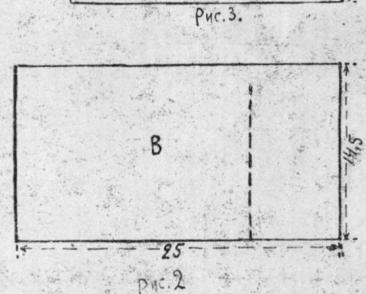
Прежде всего примемся за устройство передней и задней стенки. Для этого вырезаем из фанеры две стенки (А и В), по форме и размерам, указанным на рис. 1. Длина каждой стенки (А) равна 52 см., высота 20 см.

На передней стенке рисуем дверь и наклеиваем вырезанные из фанеры буквы: Л, Е, Н, И, Н. Высота букв—3 см., ширина 2 см. они черного цвета, наклеены на расстоянии ½ см. от верхнего края и 6½ см. от каждого бокового края. Между отдельными буквами равное расстояние. Задняя стенка остается пустой, она служит только для скрепления частей.

Задняя и передняя стенки скрепляются двумя прямоугольными дощечками (Б) по линии пунктира на рис. 1. Размер дощечек: высота 20 см. и ширина 17 см. Их видно на рис. 9.

Теперь делаем боковые стенки, основания (рис. 2; В). Это опять таки прямоугольники высотой 14½ см. и шириной 25 см. Один край такой стенки „В" приклеивается к краю задней стенки мавзолея, другой выставляется вперед. К нему будет прикреплена лестница. Край передней стенки „А" приклеивается на некотором расстоянии от переднего края к стенке „В", как это показано пунктиром на рис. 2.

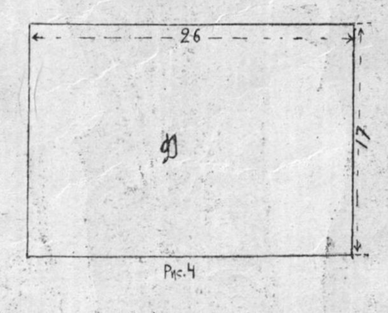

Рис.3.

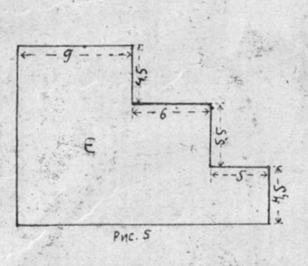

рис.2

Для покрытия двух боковых выступов мавзолея, делается две крышки Г. Длина крышки 19 см., ширина 13 см. Один край такой крышки наклеивается поверх выступа задней стенки мавзолея, другой выступает вперед, накладывается на выступ передней стенки А и образует перед ней небольшой навес. Положение, которое занимают крышки, показано на рис. 10.

Соединив сделанные части, делаем крышку Д (рис. 4) длиной 26 см., шириной 17 см. Положенная сверху выступа задней и передней стенок мавзолея, она образует основание для следующих ступеней. Положение этой крышки видно на рис. 10.

Приготовив эти основные части, делаем уже те, которые держатся на них. К передним краям боковых стенок В прикрепляем лестницу Е. Форма лестницы и размер ступеней указан на рис. 5. Так как боковых стенок у нас две, то и этих лестниц мы делаем две, вырезая каждую из дощечки длиной 20 см. и высотой 14½ см.

Рис.4

Рис.5

Борт трибуны

Рис. 6

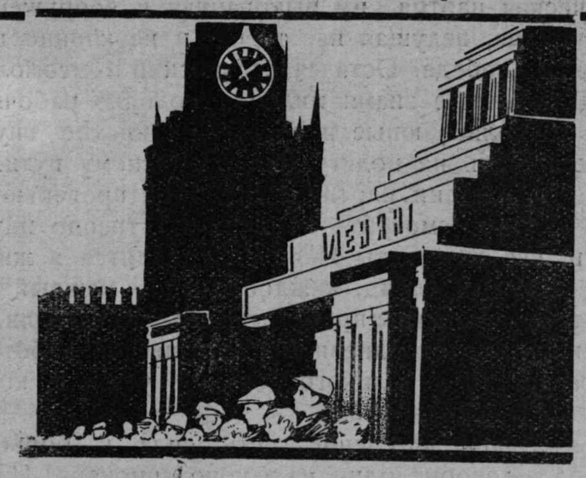
Борт трибуны

Рис 7.

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН Ц. Б. ДЕТ. КОМ. ГРУПП им. В. И. ЛЕНИНА при ЦК РЛКСМ и НАРКОМПРОСА.
№ 1. 20 Января 1925 г. 2-й год изд.

ЛЕНИНСКОЕ

Звено к звену. К отряду отряд!
Песни, звучите бодрей!
Пусть каждый шаг и каждый взгляд
Равняется на мавзолей.

Пусть мысль, пусть огонь в сердце простом
И каждый поклон головы
Стремится сквозь чащи, моря, простор—
На Красную площадь Москвы.

Сегодня
В шеренге траурных числ,
У машины и у борозды
Легче понять величавый смысл
Пятиконечной звезды.

И солнцу легче над миром плыть,
Рассказывая вдали,
Как мертвое сердце может быть
Сердцем живым земли...

И, если поровну небосклон
Всюду прольет рассвет,—
Станут не больше, чем страшный сон,
Слова—что: Ленина нет!

И, если скажут: на бой иди,
Чтоб вырвать мир из оков,—
Сердце ответит значком на груди:
Ленинцем быть готов!..

Звено к звену! К отряду отряд!
Песни, звучите бодрей!
Пусть каждый шаг и каждый взгляд
Равняется на мавзолей!

Александр Жаров.

Е. Теремякина

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

Вл. Ильич в 3-х летнем возрасте с сестрой Анной (1873 г.)

Вл. Ильич гимназист

Вл. Ильич перед поступлением в университет (1885 г.)

Вл. Ильич в 1891 г.

Исполняется год, как мы потеряли нашего великого вождя и учителя. Ленина не стало, но осталась коммунистическая партия, им выкованная и вооруженная знаменем ленинизма, ведущая нас твердо и неуклонно по ленинскому пути к победе. Остался Ленинский Комсомол, поставивший под ленинское знамя миллион молодых рабочих и крестьян.

Остались юные пионеры—ленинские внучата, готовящиеся стать на подступы к ленинскому пути.

В эти дни партия и комсомол проверяют свою работу без Ленина, смотрят—во всем ли твердо идут они по его пути, все ли заветы Ильича проводятся в жизнь.

Каждый отряд, каждое звено, каждый юный пионер в эти дни должны проверить, что они сделали, как пионеры-ленинцы, в повседневной практической работе, сумели ли оправдать имя великого вождя и учителя, которое они несут на своих знаменах.

„Знание и умение—есть сила в борьбе за рабочее дело",—говорит один из законов пионера. И вот в эти дни каждый пионер должен проверить, чему научился он за этот год, был ли он передовым учеником в школе, что сделал он в помощи отстающим по учебе товарищам.

Борьба с беспризорностью—важная задача пионеров. Каждый из них должен обратиться к себе с вопросом: что я сделал для борьбы с беспризорностью. С'умел ли мой отряд организовать вокруг себя этих детей? Чем помог я обществу „Друг детей".

Что ты сделал в семье? На улице? Вокруг себя? Какие из законов юных пионеров ты выполнял за этот год?

Целью каждого пионера является—стать членом Ленинского Комсомола.

В день смерти Ильича ты должен проверить себя, что ты сделал для подготовки к тому, чтобы в будущем стать достойным этого почетного звания, которое носит каждый сознательный молодой рабочий и крестьянин? Как и чем ты помог в работе комсомолу?

Многие пионеры в этот великий траурный день войдут в великую комсомольскую семью. Пионер—старший брат комсомольца. Комсомолец—первый организатор пионеров. Комсомолец—это передовой молодой рабочий и крестьянин, уже ставший на ленинский путь. Комсомолец—главный помощник партии во всей ее работе.

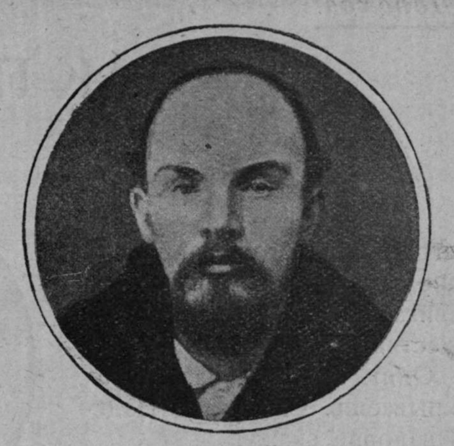
Его обязанности труднее и ответственнее пионерских. Это должен усвоить каждый пионер, который вступает в комсомольскую организацию.

Юные пионеры! Вы приняли на себя ленинское имя. От вашего имени московские пионеры на Красной площади у могилы Ильича дали клятву XIII с'езду нашей партии, что будут твердо и неуклонно итти по ленинскому пути и выполнять все заветы Ильича.

В день годовщины смерти Ленина—пионеры всего мира на клич—„будьте готовы"—ответят: „всегда готовы стойко стоять за дело, начатое Лениным, за его продолжение. Всегда готовы довести его дело до полной победы".

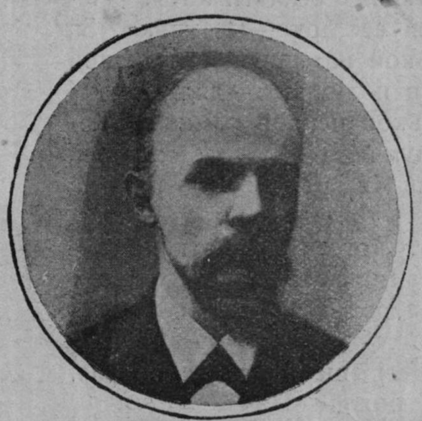
Ем. Ярославский

ЧТО ЗАВЕЩАЛ ИЛЬИЧ ПИОНЕРАМ

В. И. в годы ссылки (1896 г.).

Ильич не увидел расцвета пионерского движения. Только первые ростки при нем появились. И время было такое, когда другие задачи стояли перед нами, о другом приходилось думать: такая страшная кругом была разруха, такая непроходимая нужда, так грозно пылал вокруг огонь гражданской войны, так тесно и больно сжали, сдавили нашу страну блокадой и кольцом военных фронтов.

Ильич, однако, и в это трудное время считал, что мы должны урвать последнее, чтобы отдать детям, поддержать детское питание, детские дома, заботиться о беспризорных.

Вл. Ильич в 1901 г.

Но особенно большое внимание отдавал Ильич подрастающему поколению. Он не раз выступал на собраниях, на с'ездах комсомольцев, не раз в своих речах обращался к подросткам и детям.

Что же он им завещал?

На III-м с'езде Комсомола Ленин говорил.

> **„Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества“.**

Стало быть, он говорил и вам, пионерам: вы достроите, вы сами будете строить это общество, вся задача вашей жизни—строительство коммунистического общества.

Один из лучших портретов В. И. (1920 г.).

Что же должен сделать пионер, чтобы выполнить эту задачу, этот завет?

Учиться, еще раз учиться, и опять учиться.

Но как учиться?

Не только по книжкам, а живой помощью общественному труду, помогая рабочим и крестьянам.

Надо изучать законы природы, чтобы уметь овладеть силами природы, направить их на пользу народного хозяйства.

Надо изучать законы общественной жизни, чтобы уметь бороться за лучшее устройство общества.

Учиться не в одиночку, а сообща.

Работать сообща, по-коммунистически. Всегда помнить об интересах трудящихся, об общем деле.

Воспитывать в себе хорошего товарища, закаленного борца, неустанного, правильно работающего товарища, чуткого к другим, дисциплинированного.

Воспитывать в себе ленинца.

Вот что завещал не только пионерам, но всем нам, Владимир Ильич Ленин.

Вл. Ильич говорит на Красной площади (1921 г.).

П. Дорохов.

КАК ПЕТУНЬКА ЕЗДИЛ К ИЛЬИЧУ

1

Сегодня на стол накрывать Катюше, а она ленится. Нехотя передвигает ногами, сердито гремит жестяными кружками.

— Опять ты, Катюша, на стол не накрываешь. Смотри, я Надежде Ивановне скажу!

Катюша оглядывается. Перед ней ее друг—Петунька. За Петунькой на противоположной стене, в полумраке—дядя Ильич в узенькой черной рамке. Катюша задумчиво кладет озябший мизинец в рот и смотрит на Ильича. Дядя Ильич хмурится. Это от того, что Катюша ленится, нынче ее день, ей дежурить, а она капризничает и ленится.

— Ты еще хлеба не подала, эх, ты, рохля!

Петунька замечает, что Катюша смотрит мимо него, оборачивается, несколько времени пристально разглядывает Ильича и говорит:

— Видишь, дядя Ильич сердится.

... Быстро зашагал к вокзалу

Катюша исподлобья взглядывает на Петуньку, потом опять на Ильича и качает головой.

— Нет, он добрый.

— Нет, сердитый, смотри, хмурится как!

Действительно, непонятно,—не то дядя сердитый, не то добрый.

Как ни уверена Катюша, что дядя Ильич добрый, а все же и ей кажется, что вот-вот он раскроет губы, погрозит на нее пальцем и скажет:

А уж Надежда Ивановна сейчас с выговором.

Катюша со вздохом идет в кухню за хлебом.

2

На дворе, должно быть, мороз, окна все еще запорошены толстым снеговым ковром. Столовая в полумраке. Чуть позванивают жестяные кружки, вкусно пахнет свежим подрумяненным калачем. От большого медного чайника, стоящего посреди стола, идет пар, и маленькие фигурки детей возле чайника как в тумане. Когда выходит Надежда Ивановна, все шумно начинают пить.

В окно стукнули.

— Почта! — встрепенулись ребята.

В это время всегда приносят газету. Петунька и Мишка бросаются в коридор.

— Петуня, Миша, куда вы раздевши!—кричит вдогонку ребятам воспитательница.

Петунька успевает вперед Мишки, хватает газету и мчится с нею к Надежде Ивановне. Надежда Ивановна кладет газету возле себя, наливает кому-то из маленьких чай.

Детям не терпится.

— Надежда Ивановна, читайте!

Воспитательница развертывает газету. Вдруг бледнеет, наклоняется ниже, впивается глазами в задрожавшую в руках газету. Потом откидывается на спинку стула, хватается рукой за сердце.

— Дети... Дети... Дяди Ильича нет!..

Голос у Надежды Ивановны тихий, вздрагивающий. Газетный лист прыгает в руках. Тоскливыми глазами обвела вдруг примолкнувших детей.

— Ильич умер.

Катюша шмыгнула носом, бросилась к Надежде Ивановне, спрятала у ней в коленях лицо и заплакала. Надежда Ивановна нагнулась над девочкой, нежно погладила золотистые кудряшки Катюшины. Заплакали другие. Петунька подбежал к самому маленькому, Федюрке, своему любимцу, вытер ему нос подолом рубахи.

— Не плачь, Федок, не плачь.

Надежда Ивановна подошла к портрету Ильича. Возле столпились ребятишки. Пристально посмотрел Петунька на Ильича и подумал:

— А, ведь, верно Катюша говорит, что дядя Ильич добрый.

Надежда Ивановна покачала головой и, как бы про себя, задумчиво сказала:

— Ах, Ильич, Ильич.

И вдруг Петуньке показалось, что круглые губы Ильича дрогнули в ласковой улыбке, хитро подмигнул левый прищуренный глаз:

— Не тужи, Петунь, не пропадем!

3

После чая плели венок из мелких сосновых веток. Из красного и черного полотна делали перевитую раму для портрета Ильича. Внизу и вверху рамы прикрепили два больших черных банта. Из журналов и книг, потихоньку от Надежды Ивановны, вырвали все картинки, где дядя Ильич был изображен в том или ином виде. Сделали из черной материи рамочки для каждой картинки, прикололи булавочками к стене, а по стене, надо всеми картинками, протянули длинную красную ленту с надписью:

— Дядя Ильич, мы тебя любим и нам тебя жалко.

Вечером Надежда Ивановна рассказывала детям об Ильиче. Затаив дыхание, слушали. Катюша положила растрепанную белокурую голову на колени к Надежде Ивановне и с полуоткрытым ртом смотрела ей в лицо. Как живой проходил перед детишками Ильич. Прятался от врагов, строил в поле шалашик и жил в нем, пока друзья Ильича—рабочие и крестьяне—не прогнали фабрикантов да помещиков и не пришли за ним. В большой комнате тихо. За окном изредка пройдет пешеход, проскрипят полозья по снегу.

Кто-то из детишек вздохнул.

— Ему было холодно?

— Да, нет, не больно холодно,— сказала Надежда Ивановна,—это было летом.

Петунька встрепенулся.

— Тоже какое лето. А то, вон, у нас в ночное поедешь, иной раз так проберет, зуб на зуб не попадешь. И летом бывают ночи холодные.

Принесли экстренный выпуск газеты. Надежда Ивановна снова читала вслух. Писали только об Ильиче: как перевезли гроб с его телом в Москву, в Дом Союзов, как собирались хоронить. В газете были рисунки. К Дому Союзов тянулись беспрерывно огромные толпы народа. Был портрет Ильича в заваленном цветами гробу. На другой картинке гроб стоял в большом зале среди огромных, как деревья, цветов. У гроба, по углам, неподвижно застыли четыре красноармейца.

Дети бросились смотреть картинки. Петунька тянулся через головы других, долго всматривался в Ильича. Вдруг, пряча глаза от Надежды Ивановны, спросил негромко:

— Всех пускают смотреть?

— Всех, милый.

У Петуньки совсем перехватило голос.

— И маленьких?

— Да, и маленьких.

Катюша была к картинкам ближе всех.

— Смотри, смотри, Петуньчик, вот маленьких ведут!

Ткнула крошечным, с обгрызанным ноготком, мизинцем.

Петунька потянулся через головы.

— Где, где?

Перед Домом Союзов вытянулась длинная лента детей.

— Это, должно быть, такой же детдом, как и наш,—сказала Надежда Ивановна.

Петунька внимательно рассматривал картинку. Потом со вздохом отошел, в раздумьи остановился перед портретом Ильича. Маленький лобик прорезала тонкая морщинка.

— Только ты смотри, никому не говори ...

4

На дворе играли в снежки. Петунька отвел Катюшу в сторону и таинственно сказал:

— Чего я тебе скажу... Только ты, смотри, никому не говори.

Катюша подняла на Петуньку светлые серые глазенки и кивнула головой.

— Нет, не скажу.

— Правда, не скажешь?

— Правда.

Петунька нагнулся к Катюше и торопливо зашептал:

— Я хочу поехать в Москву, Ильича посмотреть.

— Один?—испуганно спросила Катюша.

— Один.

– Надежда Ивановна не пустит.

— А я убегу,—мрачно и решительно проговорил Петунька.—Только ты, смотри, молчи.

Катюша тряхнула выбивавшимися из-под платка белокурыми кудряшками и серьезно сказала:

— Ладно.

Петунька отошел. Теперь, когда поделился тайной со своей подругой, стало легче, слишком тяжело было таить все про себя. Катюша долго стояла на одном месте и думала. Потом, когда Петунька пробегал мимо, вдруг позвала его.

— А на чем ты поедешь?

— На машине.

— А есть чего будешь?

— Хлеба за обедом спрячу и за ужином спрячу.

Мотнула головенкой. Больше никаких возражений у нее не было.

За обедом Петунька сидел молчаливый и сосредоточенный. Ел не спеша и делал вид, что очень занят едой. От своего ломтя отламывал крошечные кусочки, клал в рот и медленно прожевывал. Выбрал минуту, когда на него никто не смотрел, и сунул недоеденный кусок в карман. Есть все же хотелось. Нерешительно, стараясь не обращать на себя внимания, протянул руку к тарелке с хлебом, взял еще кусок. И этот кусок когда с'ел его до половины, спрятал в карман. Перед тем, как ложиться спать, подошла Катюша и незаметно от других сунула в Петунькину руку большой ломоть хлеба.

— Вот, возьми, это я для тебя спрятала.

Петунька с ломтем в руках быстро юркнул под одеяло.

5

Дети долго возились в своих постелях и никак не могли уснуть. Разговаривали об Ильиче, завидовали тем детям, которых видели на картинке в газете.

— Счастливые. Они увидят Ильича. Вот если бы наш дом был в Москве и нас бы Надежда Ивановна повела.

— Конечно бы повела.

Кто-то глубоко, по-взрослому, вздохнул. Некоторое время все молчали. Гришка, мальчик из Симбирска, заметил, что Ильич из одной с ним, Гришкой, губернии.

— Не хотелось, должно быть, умирать товарищу Ленину,—задумчиво сказал Гришка.

— Ну, конечно, кому хочется.

Долго еще разговаривали детишки. Петунька терпеливо ждал. Давно притворился спящим и даже тихонько похрапывал.

Кто-то позвал:

— Петунь, спишь?

Петунька не ответил.

Мало-по-малу все заснули. Петунька подождал еще немного, приподнял голову, прислушался. Во всем доме тихо. Ровно и спокойно дышали ребята. Где-то в углу, под кроватью, осторожно царапалась мышь. На улице свистел ветер, брызгал в окна мелкой снежной пылью, хлопал неприкрытый на ночь ставень.

— Должно быть, забыл Иван прикрыть,— подумал Петунька про дворника. Тихонько приподнялся, нащупал чулки и валенки, вытащил изпод головы еще с вечера запрятанные пальто и шапку и с бьющимся сердцем пошел в кухню. Осторожно отворил дверь. Снял полотенце со стены, туго, по-мужицки, перетянул пальтишко, переложил хлеб за пазуху, чтобы было удобнее итти, и тихо вышел на двор. Дул холодный ветер, крутил колючую снежную пыль. В серых тучах кувыркался бледный месяц.

Ворота были на замке. Недолго думая, Петунька вскарабкался на забор, оглядел в обе стороны улицу и спрыгнул вниз. Надвинул поглубже шапку, натянул варежки из верблюжьей шерсти и, широко размахивая руками, быстро зашагал к вокзалу.

Метет поземка. Знобкий ветер дует Петуньке в спину, подгоняет. Вдали мутными бельмами фонарей блеснул вокзал. Петунька пробрался на платформу, прошелся по ней взад-вперед. Никакого поезда не было. Затужился Петунька.

— Что-ж делать? Спросить кого-нибудь? А вдруг спросят—зачем тебе?

Ехать все-таки надо было. Увидал проходящего мимо человека в белом фартуке, подошел.

— Дяденька, где тут поезд в Москву?

Человек мельком взглянул на Петуньку и, не отвечая, пошел дальше. Потом обернулся и сказал:

— Вон, спроси своих товарищей, они лучше меня знают.

И указал на двух мальчишек в конце платформы, перепрыгивающих с ноги на ногу. Не поверил дяденьке, думал, что тот шутит. Ну, что могут знать эти мальчишки, такие же как и он, Петунька? Сам, однако, потихоньку придвигался к мальчишкам и, остановившись невдалеке, стал их внимательно рассматривать.

Один подошел к Петуньке, молча осмотрел его с ног до головы и дружелюбно, как старого знакомого, спросил:

— Ты куда едешь?

— В Москву.

— Ну, вместе поедем, мы тоже туда. А ты был там когда или в первый раз едешь?

— В первый.

— Зеленый еще, значит, — снисходительно улыбнулся мальчишка.—Ну, мы стреляные воробьи, вот уж третий раз в Москву.

— Зачем?

— Да так, низачем. Вот прокормимся с месяц, а там еще куда-нибудь ударимся. Сейчас мы из Томска едем, надоело там.

— А далеко это?

— Далеко, вот третью неделю едем. Поедем-поедем да где-нибудь и отдохнем,—или на поезд сесть не удастся, или еще что.

— Эх, как далеко!—искренно удивился Петунька.

— Это что,—сказал мальчишка,—я прошлый год на Кавказе был. Вот, брат, страшно где. Горы высоченные, вылезешь на станции, глянешь кругом, мать ты моя честная, как в мышеловке какой, горы, горы, конца краю нет.

— Тебя как звать?

— Петунькой.

— Меня Семкой, а вот его,—показал он на другого мальчишку поменьше,—Васькой. Ты зачем в Москву?

Петунька немного подумал,—сказать или не надо. Нет, лучше сказать, раз вместе ехать, так нечего и скрывать.

— Товарища Ленина смотреть.

Ни Семка, ни Васька нисколько этому не удивились.

— Мы в Сызрани слыхали, что т Ленин умер Васька спросил:

— Ты не видал его?

— Нет.

— А я прошлый год на Красной площади товарища Бухарина видал.

Петунька с завистью посмотрел на Ваську и подумал:

— Ишь, ты, ростом меньше меня, а тоже...

А вслух спросил:

— Скоро мы поедем?

— Теперь скоро, через час должен притти поезд. Ребята опять запрыгали с ноги на ногу.

— Эк, мороз-то, дух стынет!

— Кусочек бы хлебца теперь,—сказал Васька,— в кишках урчит.

Петунька молча вынул из-за пазухи ломоть хлеба, разломил его пополам и подал ребятам. Ему ничуть не было жаль ломтя,—теперь не один едет, с новыми товарищами доберется, видать, опытные мальцы.

— Ты куда едешь?

Вдали запел рожок. Ему ответил другой ближе и громче.

— Как у нашего пастуха Никандра,— подумал Петунька.

Из-за поворота блеснул двумя огненными глазами паровоз. Шумно вздыхая широкой железной грудью, подкатил к вокзалу и остановился.

Мальчишки встрепенулись.

— Ну, теперь не отставай, смотри!

Из вагонов гурьбой повалили пассажиры. Суетились служащие. Бегали люди в белых фартуках, выноси пассажирам багаж. У Петуньки зарябило в глазах.

Ребята двинулись вперед. Зашли по другую сторону поезда и направились к хвосту, заглядывая под каждый вагон. Петунька заметил, как Семка открывал дверцу приделанных под вагонами больших ящиков и заглядывал внутрь.

— Вот, черти,—сказал недовольно Семка,— везде битком!

В самом хвосте поезда один ящик оказался пустым. Только Семка хотел, было, юркнуть в него, как проходивший мимо человек с фонарем в руках крикнул сердито:

— Эй, вы, пассажиры, я вот вам задам!

Семка, как ни в чем не бывало, прошел дальше.

— Вот еще кондуктора нелегкая принесла,— негромко сказал Васька, шагая рядом с Петунькой.

Как только кондуктор скрылся по другую сторону поезда, Семка в один миг подскочил к вагону, открыл дверцу ящика и юркнул внутрь, тотчас же захлопнув за собой дверцу.

6

В Москву приехали на рассвете. Ребята провели Петуньку в дальний угол вокзала. Здесь вповалку, тесно сбившись в кучу, спали дети. Некоторые были закутаны в тряпье, другие в мешки. Торчали из кучи ноги в рваных ботинках. У иных ботинки были одеты на босую ногу, короткие штанишки подобрались вверх, просвечивало голое тело.

— Ну, вот, Петунька, если тебе понадобится что, приходи прямо сюда, спроси у ребят, где, мол, Семка матрос, всякий скажет.

Вывели Петуньку из вокзала.

— Вон, держи прямо под мост, тут тебе всякий скажет, где Дом Союзов. А то, вон, замечай, четвертый или шестой трамвай пойдет прямо туда, так за ними и дуй.

Ребята дружески распрощались с Петунькой.

— Да мы еще увидимся, мы тоже придем к Дому Союзов.

Петунька прошел через площадь, миновал мост и остановился,—перед ним расходилось несколько улиц.

— Куда итти.

Вспомнил, что ребята говорили про трамвай и стал дожидаться. Показался вагон № 6. Петунька подождал, пока вагон прошел мимо, заметил, куда тот повернул, и тронулся по этой улице. Потом его обогнал № 4, потом опять, шестой, и Петунька упорно подвигался по этому пути. Стали попадаться колонны людей с флагами и венками, и чем дальше Петунька шел, тем чаще попадались колонны. Все шли по одному направлению. Петунька догадался, что люди идут к товарищу Ленину, и пошел за одной из таких колонн.

На большой площади остановились. Петунька сунулся, было, дальше,—дорогу загородили конные милиционеры. Вдали, в глубине площади, вытянулась бесконечная людская лента с знаменами и венками. Петунька сразу узнал Дом Союзов по картинкам. С дома спускались длинные полотнища — красные и черные, на полотнищах виднелись надписи.

— Дяденька, товарищ Ленин там лежит?—указал Петунька на Дом Союзов.

— Там. Что, посмотреть хочешь?

— А пустят?

— Пустят, всех пускают. Да ты замерзнешь до тех пор, пока доберешься.

Вон, ступай с маленькими.

Мимо проводили детишек. Они несли венок из елочек, перевитых красными и черными лентами.

— Они не возьмут, с грустью сказал Петунька.

— Возьмут. Ты попросись с ними. Ну, пойдем вместе.

Парень взял Петуньку за руку, подошел к группе детей и обратился к ведущей их женщине, должно быть, воспитательнице.

— Товарищ, возьмите мальчика, а то замерзнет!

— Женщина взглянула на Петуньку.

— Не знаю, как, можно ли чужого.

— Чего нельзя, конечно, можно.

Кто-то из детишек сказал:

— Возьмите, Анна Петровна, пусть сзади становится.

— Ну, ступай, становись.

Петунька, не помня себя от радости, побежал в задние ряды. Задний мальчик посторонился.

— Становись рядом, а то у меня как раз пары нет.

Подошел какой то человек с красным бантом на рукаве и сказал Анне Петровне:

— Проходите, товарищ, с детьми.

Впереди, в широко распахнутые двери, шли взрослые по три вряд. Немного дальше, в другие двери входили тоже по три в ряд. Шумный разговор на площади остался где-то далеко-далеко. Здесь шли молча, обнажив головы. Ложилась тень на лица. Слышалось тихое шарканье множества ног по ступеням широкой лестницы. По бокам застыли часовые.

Издалека донеслась тихая печальная музыка. Так и задрожало все внутри у Петуньки. Значит, близко товарищ Ленин. Людская волна свернула налево. Ослепительный свет ударил Петуньке в лицо. В огромном высоком зале горели тысячи огней. Толпа медленно, подвигалась вперед...

Как сквозь сон слышал Петунька музыку. Глаза приковались к Ильичу, к желтоватым рукам, смирно сложенным на груди. Хотелось заглянуть в лицо, но глаза, затуманенные слезой, не могли рассмотреть ничего, кроме большого светлого пятна.

— Не задерживайся! — тихо сказал кто-то сзади.

Петунька прошел дальше. Стал спускаться по лестнице и вдруг почувствовал, как кто то крепко-крепко сдавил ему сердце, опустился на ступеньку, прижался к перилам и, закрыв лицо руками, заплакал. Анна Петровна сейчас же подошла к нему.

— Что? Что с тобой, мальчик?

Голос у Анны Петровны был глухой, сдавленный, подергивались губы.

Анна Петровна взяла мальчика за руку и вывела на улицу.

—Ты откуда? Чей?

Петунька утирал варежкой слезы и молчал. Мальчик, который шел с ним в паре, предложил:

— Пойдем с нами, у нас хорошо.

Анна Петровна нагнулась к Петуньке.

— Да, да, пойдем с нами.

Петунька покачал головой.

— Не хочу.

— Почему?

— Так.

Петунька повернул прочь от детей. Ему опять хотелось подойти к Дому Союзов. Дорогу преграждала цепь милиционеров.

— Нельзя сюда, вон в ту сторону ступай.

А. Безыменский.

Дети борьбы

Коль скажут вам, что пионеры — дети,
Ответьте, братья, не шутя:
— Ну, что-ж. Октябрь, взрывающий столетья,
Ведь, тоже —
Семилетнее дитя.

Пусть скажут вам враги, что слаб ваш голос звонкий,
Пусть кажется смешным им ваш девиз „борись“,—
Почувствуют они, проклятые душонки,—
Что у детей борьбы прорезались зубенки
Буржуазии горло перегрызть.

Петунька повернул назад. Теперь он знал, что стоит ему пристать к какой нибудь группе детей, как снова попадет к Ильичу. Петунка не успел рассмотреть Ильича. Перед глазами были только смирно сложенные на груди руки.

Прошел несколько переулков и вслед за толпой опять вышел к Дому Союзов. Смело подошел к стоявшей в очереди группе детей и встал в заднем ряду. Курносый конопатый мальчишка покосился на Петуньку и сердито сказал:

— Ты зачем сюда встал, ты не наш!

Петунька молча посмотрел на конопатого мальчишку и ничего не ответил.

Мальчишка толкнул Петуньку в бок.

— Ступай отсюда!

У Петуньки зачесались кулаки. Так бы саданул этого курносого зазнаюшку, да боязно, тогда уж, наверно, прогонят. Мальчишка не унимался.

Позвал воспитательницу.

— Марья Васильевна, тут чужой мальчишка!

Та подошла.

— Ты что, мальчик?

Петунька исподлобья посмотрел на Марью Васильевну.

— Мне товарища Ленина хочется посмотреть.

— Ну, хорошо, иди, только не шали, смотри. Пусть идет,—обратилась она к курносому мальчишке.

Так же, как и в первый раз, к детям подошел человек с красной лентой на рукаве и сказал Марье Васильевне:

— С детьми проходите вперед.

Опять с обнаженными головами шли по широкой лестнице, опять откуда-то издалека доносилась тихая печальная музыка. Вот и Ильич. Вот бледные руки на груди. Вот маленькая, знакомая по картинкам бородка. Вот большой, как у деда Назара, лоб. Петунька смотрел во все глаза. И вдруг показалось Петуньке: в ласковой улыбке дрогнули круглые губы Ильича, хитро подмигнул левый прищуренный глаз и так же, как там, в детдоме:

— Не тужи, Петунь, не пропадешь!

Как в тумане вышел Петунька на улицу.

Начинало темнеть. Ярко прорезались фонари. Сильнее щипал мороз. Черная людская лента беспрерывно вилась по улицам и переулкам. Петунька глубоко вздохнул.

— Ну, что-ж, видать, домой надо ехать.

Почувствовал голод: со вчерашнего дня во рту не было ни одной крошки.

Пошарил за пазухой, ничего не оказалось. Хотел, было, попросить у торговки,—так притягивали булки с большими ломтями колбасы внутри,—махнул рукой:

— А, ну, ее, доеду как-нибудь.

И тут же с досадой подумал про городских:

— Ишь, булки какие лопают.

Когда дошел до вокзала, совсем стемнело. Направился прямо в знакомый угол. Семка с Васькой были здесь. Обрадованно подошли к Петуньке.

— Ну, что, как, видал Ильича?

— Видал.

— Мы тоже были, три раза проходили с организациями. Ну, как, домой тепер?

— Домой.

— А то бы оставался с нами,—сказал Васька,—чего там, в детдоме-то, скучно.

— Поезжай, поезжай, Петунька, а то, брат, наша-то жизнь собачья, не всякий выдержит,—серьезно сказал Семка.— Шамать хочешь?

— Хочу.

Семка вынул из-за пазухи кусок хлеба.

— На-ка, пожуй. Скоро и поезд будет.

— Как же я один поеду?—спросил Петунька.

— Мы тебя посадим, а там доедешь как-нибудь и один, из Москвы—легче,—это сюда нашего брата прет страсть сколько.

Вышли из вокзала, прошли какими-то закоулками, какими-то дворами и остановились у высокого крашеного забора.

— Перелазь, я тебя подсажу.

Семка подсадил Петуньку, легко взобрался и сам. Пошли по путям, то и дело подныривая под вагоны.

— Вот и наш поезд,—сказал Семка.

Посадки еще не было, возле вагонов лишь кое-где стояли проводники.

— Стой тут, а я пойду тебе место искать.

Скоро Семка вернулся. Улыбается.

— Пойдем, плацкартное место разыскал.

Пошли на другую сторону поезда, где не видать было проводников.

— Вот тебе, теперь доедешь.

— Спасибо, товарищи!

Петунька юркнул в ящик. Захлопывая дверцу, сказал:

— Дружные вы, братцы, с такими жить можно.

ДЕТСТВО ИЛЬИЧА

(Воспоминания о семье Ульяновых Марии Михайловны Павловой)

Когда я поступила к Ульяновым в горничные, Володя уже был большенький мальчик, приблизительно лет около 10-ти. В семье он был третий ребенок. Первая—Анна Ильинична, Дмитрий и Мария Ильинична.

Это было уже давно. Но я до сих пор не могу забыть этой хорошей семьи. Они больше всего запали в память, потому что я вместе с ними пережила самые горькие дни, как смерть Ильи Николаевича—отца Владимира Ильича, а также и когда случилось несчастье с Александром Ильичем—я вместе с ними пережила это горе.

Уже много лет прошло с тех пор, как я жила у них. Много всего прошло на моих глазах. Сама я уже стара очень, во многом изменяет память, но что могу вспомнить, расскажу.

Мне часто говорила няня Владимира Ильича, что он рос необыкновенно живым мальчиком. Был очень полненький, толстенький, с кудрявыми редкими волосиками, немного рыжеватый. Своей живостью и резвостью обращал на себя внимание всех детей. Был большой „забияка".

Даже дома с сестрой Олей то и дело играет в солдаты. Загонит Олю под диван, а потом и начнет по военному командовать. Встанет по военному и кричит:

„Раз, два, раз, два, шагом марш!"

В гимназии Володя учился очень хорошо и всегда показывал няне свои отметки. Был всегда дружен с товарищами Экзамены сдавал хорошо. Бежит, бывало, весной, раскраснеется, бодрый, радостный, еще издали кричит:

„Сдал, папочка, все экзамены, и сдал хорошо".

В январе месяце умер Илья Николаевич. Это было большое горе для детей, а в особенности для Марии Александровны, которая очень долго горевала и долго, долго плакала.

Еще не забыть мне никогда того случая с Александром Ильичем. В Петрограде у них в то время жила племянница, кажется Веретенникова. Однажды получилась телеграмма от нее: „тетя, приезжайте, дети в опасности".

Это было в марте месяце. Еще из Симбирска не было железной дороги. И бедной Марии Александровне пришлось ехать верст 80 на лошадях до железной дороги в самую распутицу Мы остались в доме с детьми одни.

И никак не могли придумать, что же могло случиться с Анной Ильиничной и Александром Ильичем? Потом однажды Владимир Ильич прочел: „кого в ссылку, кого к повешению..."

— Моего брата Александра тоже к повешению приговорили,—проговорил он.

Мы все заплакали и удивлялись, что Владимир Ильич такой крепкий и при таком тяжелом известии даже не заплакал. А он говорит:

— Что я буду плакать, этим не поможешь, я должен отомстить.

Так тогда это осталось непонятным, кому это хотел отомстить Владимир Ильич. После этого он стал часто задумчив, грустен, много читали и все больше был в своей комнате.

И только вот во время революции мне прочитали в газете, что тов. Ленин-Ульянов Владимир Ильич произвел всю революцию. Вот тут-то я и поняла, кому он хотел отомстить. Для меня было большим счастьем слышать это, что из этого умного умного, резвого мальчика, который рос на моих глазах, вышел такой великий человек и защитник всех бедных.

Уголок В. И. Ленина. Пионерский отряд при ф-ке „Каучук" в Москве.

А. И. Елизарова

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В ДЕТСТВЕ

Владимир Ильич родился в Симбирске 10(23) апреля 1870 г. Он был третьим ребенком в семье. Живой, бойкий и веселый он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их. Лет 5-ти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем Симбирска к гимназии, куда и поступил в 1879 году осенью, $9^1/_2$ лет, в первый класс.

Учение ему давалось легко. С младших классов шел он лучшим учеником и, как таковой, получал при переходе из класса в класс первые награды. Они состояли в то время из книги с вытисненным на переплете золотом „за благонравие и успехи" и похвального листа. Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его делало серьезное, внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и его старших брата и сестру, следя сам за их занятиями в младших классах. Большое значение имел также для маленького Володи пример отца, матери, постоянно занятых и трудящихся, и особенно старшего брата, Саши. Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик. Он отличался также не только твердым, но справедливым, чутким и ласковым характером и пользовался большой любовью всех младших. Особенно проявлял это Володя, который подражал старшему брату настолько, что мы даже посмеивались над ним;—с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: „Как Саша". А если пример важен в детстве вообще, то пример несколько старших по возрасту братьев важнее примера взрослых.

Вследствие привычки серьезно относиться к делу, Володя, как он ни был шаловлив и боек, на уроках слушал внимательно. Эта большая внимательность, как отмечали в то время его учителя, вместе с бойкими способностями давала ему возможность хорошо усваивать еще в классе всякий новый урок, так что ему почти не приходилось повторять его дома. Помню, как быстро оканчивал он уроки в младших классах, а потом начинал шалить, ходил колесом и мешал нам, старшим, учившимся в той же комнате. Отец уводил его иногда к себе в кабинет, чтобы проверить уроки, и спрашивал латинские слова по всей тетради,—но обычно Володя все знал. Много также читал он в детстве. Отцу присылались все вновь выходящие детские книги и журналы; подписывались мы и в библиотеке.

Постоянной подругой игр Володи была его сестра Оля (родилась 4 ноября 1871 г.). Очень способная, живая и бойкая девочка, она четырех лет выучилась около него читать и училась тоже очень легко и охотно. Кроме того, напоминая некоторыми чертами характера брата Сашу, Оля была чрезвычайно трудолюбива. Помню, как уже в одном из последних классов гимназии, Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: „Вот, чьей работоспособности можно позавидовать". Сознав это, Володя стал развивать и в себе трудоспособность, которой все мы удивлялись в его позднейшие годы и которая, наряду с его прекрасными способностями, помогла ему достичь таких блестящих результатов.

Охотно делился Владимир Ильич своими познаниями с товарищами по школе, об'ясняя им трудные уроки, задачи, сочинения и переводы с греческого и латинского. А в последних двух классах гимназии, он, кроме своих уроков, занимался с одним учителем чувашом, подготовляя его к выпускному экзамену для поступления в университет. Занимался бесплатно, так так платить последнему было нечем. И Владимир Ильич подготовил - таки своего ученика, несмотря на малоспособность. Он сдал экзамен и смог заниматься в университете своей любимой математикой.

В 1886 году, когда Володе не исполнилось еще 16 лет, умер его отец, Илья Николаевич, а годом позже семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра II был арестован, приговорен к смертной казни и затем казнен—8 мая 1887 г.—его старший, любимый брат Александр. Несчастье это произвело сильное впечатление на Владимира Ильича, закалило его, заставило серьезнее задуматься над путями, которыми должна итти революция. Он был знаком с „Капиталом" Карла Маркса, признавал намеченный им ход развития.

Рабочих в то время было мало; они были разъединены и неразвиты; к ним тогда было трудно подступиться интеллигентам, да и царский гнет был так силен, что за малейшую попытку общения с народом сажали в тюрьму, высылали в Сибирь.

И не только с народом: если студенты, товарищи, организовывали какие-нибудь самые невинные кружки для чтения, для общения друг с другом, то кружки разгоняли, а студентов высылали на родину.

Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, могли оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде всего, рвались хотя бы немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались.

Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла устрашить мужественных людей. Александр Ильич принадлежал к числу их.

Он не только, не задумываясь, оставил университет и любимую науку (его прочили в профессора), когда он почувствовал, что не в силах больше терпеть произвол, он, не задумываясь, отдал и жизнь. Он взял на себя рискованные работы по подготовке снарядов, и, признаваясь в этом на суде, думал только о том, чтобы выгородить товарищей. Он погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата Владимира.

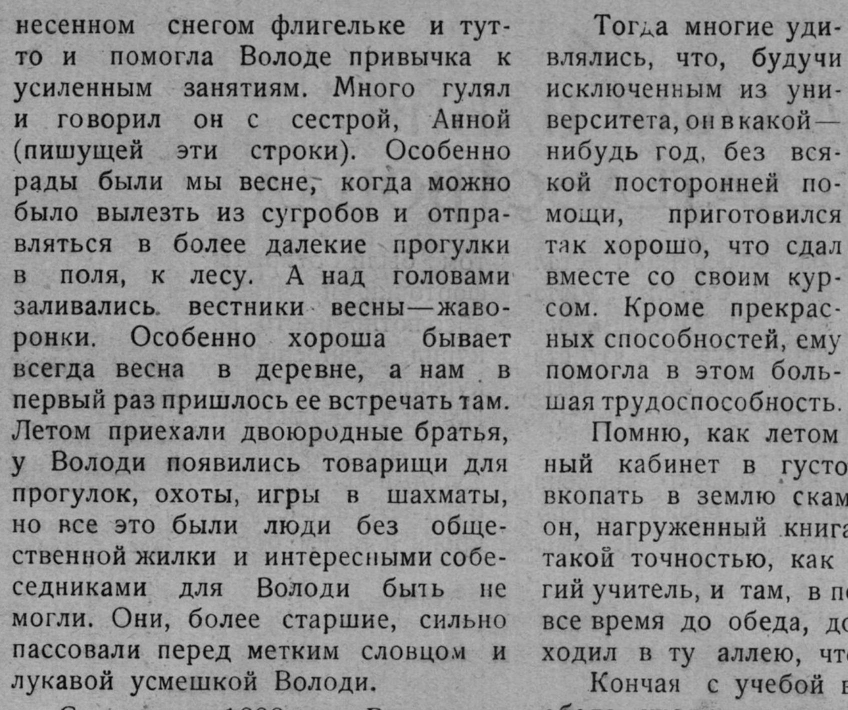
Несчастье это случилось как раз в год окончания Володей гимназии. Несмотря на свои тяжелые переживания, которые он сумел выносить с большой твердостью, Володя, как и сестра Оля, окончили в этом году гимназию с золотыми медалями.

Той же осенью поступил он на юридический факультет Казанского университета. Но зимой 1887 г. в Казани, как и в других университетских городах, произошли, так называемые, студенческие „беспорядки", протест молодежи против сгустившегося еще больше гнета самодержавия. Владимир Ильич был в числе других участников исключен из университета и выслан в деревню Кокушкино, где жила уже под гласным надзором его сестра Анна.

Здесь провел он в большом одиночестве,—только в кругу семьи,—зиму 1887-88 года. Он много читал. В деревне был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека; потом мы подписывались в Казанской библиотеке, откуда при оказиях привозили книги. Ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но жизнь протекала, конечно, скучно в за-

Перед спуском в могилу

Он умер, наш вождь пролетарский,
Его больше нет среди нас,
Но мы не должны падать духом,
В этот печальный нам час.

Враги теперь думают наши,
Вождь умер и нас победят,
Начнется у нас вновь разруха,
Буржуи возьмут власть опять.

Но эти надежды—ошибка,
Теснее сплотимся, друзья,
Дружнее начнем мы работать
Исполним заветы Вождя.

Он умер, но дело живое
Его никогда не умрет.
Вперед-же, друзья молодые,
Смелее, дружнее, вперед...

В. Аверьянова. 14 лет.

несенном снегом флигельке и тут-то и помогла Володе привычка к усиленным занятиям. Много гулял и говорил он с сестрой, Анной (пишущей эти строки). Особенно рады были мы весне, когда можно было вылезть из сугробов и отправляться в более далекие прогулки в поля, к лесу. А над головами заливались вестники весны—жаворонки. Особенно хороша бывает всегда весна в деревне, а нам в первый раз пришлось ее встречать там. Летом приехали двоюродные братья, у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, более старшие, сильно пассовали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи.

С осени 1888 г. Владимиру Ильичу разрешено было переселиться в Казань, куда переехала мать с меньшими. Несколько позже дозволено было перебраться туда и мне. Там Володя выбрал себе самую уединенную комнату—бывшую кухню,—чтобы было спокойнее заниматься.

Там начал он читать „Капитал" Карла Маркса, которым очень увлекался. Помню, как я приходила к нему,—чаще вечером, когда остальные расходились уже на покой,—и в наших беседах он говорил уже больше всего о Марксе.

Завел он себе и знакомых и летом провалился бы с ними, как сам говорил, при аресте кружка Федосеева, если бы мы не уехали с весны всей семьей в Самарскую губернию, а потом не переселились бы в Самару.

Владимир Ильич продолжал и там изучение марксизма, а когда ему разрешили наконец сдать окончательный экзамен при университете, — в университет его не принимали,— то он засел вплотную за зубрежку разных юридических наук и в 1891 г. сдал экзамен при Петербургском университете.

Тогда многие удивлялись, что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год, без всякой посторонней помощи, приготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом. Кроме прекрасных способностей, ему помогла в этом большая трудоспособность.

Помню, как летом он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до 3 часов. Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему.

Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам;—так, помню, читал по немецки Энгельса „Положение рабочего класса в Англии". А потом погуляет, выкупается; после вечернего чая выносится лампа на крылечко,—чтобы комары в комнату не налетели,—и опять Володина голова склонена над книгой

Но, если усиленные занятия не делали Владимира Ильича угрюмым, книжным человеком в более поздние годы, то тем более не делали его таким в молодости. В свободное время, за обедом, гуляя, он обычно шутил и болтал, развеселяя всех других, заражая своим смехом окружающих.

Умея работать, как никто, он умел и отдыхать, как никто.

На похоронах

Н. А. Семашко

КАК ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОВАЛ

В своем выступлении на конференции металлистов в 21 г. Владимир Ильич сказал: „достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел“ (XVIII том, стр. 15).

Обломов — тип барина крепостного времени, барина — лентяя. Живя трудом своих крепостных, Обломов ничего не делал и не умел делать. Он лежал целыми днями на мягком диване или пуховой кровати и плевал в потолок.

Вот остатки этой то обломовщины бичевал Владимир Ильич. И особенно бранил за неуменье вести себя на собраниях.

Сам Владимир Ильич был образцом председателя.

Прежде всего он заботился об обстановке собрания; он хотел, чтобы самые условия заседания были таковы, чтобы можно было как можно больше сохранить сили, как можно больше получить пользы. Поэтому он прежде всего заботился о чистоте воздуха на заседании: сам следил, чтобы помещение было проветрено, летом были открыты форточки и чтобы абсолютно никто не курил. Запрещение курения Владимир Ильич проводил неумолимо. Дымный, душный воздух не очищает, как следует, кровь и таким образом ведет к скорейшему утомлению. Поэтому то Владимир Ильич так заботился о чистоте воздуха, чтобы со „свежими головами“ можно было лучше и скорее решать вопросы.

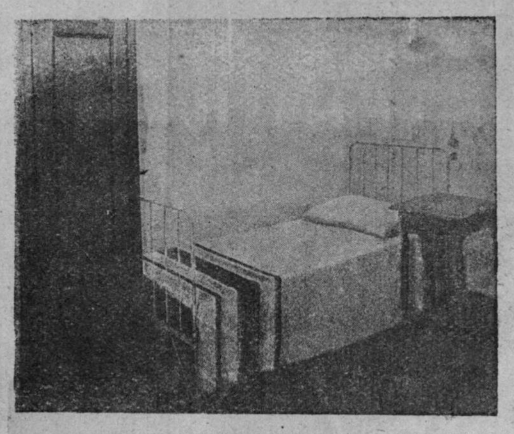
Тюремная камера, в которой сидел Владимир Ильич в Галиции. (в 1915 г.)

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной (1922 г.)

Точно так же Владимир Ильич строго следил, как председатель, чтобы на собраниях была абсолютная тишина. Разговоры, даже шепотом, всегда отвлекают и говорящего, и слушающих, и Владимир Ильич абсолютно запрещал какие-либо частные переговоры или перебивания оратора. Словоохотливым ораторам Владимир Ильич всегда указывал, что нужно говорить кратко и ясно и что можно уложить свои мысли и в 5 минут.

Из речей всех ораторов Владимир Ильич всегда выбирал самое важное и сжато формулировал прения. Его предложения чаще всего принимались без голосования — настолько ясно он схватывал в них все существенное из сказанного.

Так вел Владимир Ильич собрания, „вел“ в прямом смысле слова. Молодежи нужно с самого начала следовать и этому руководству Владимира Ильича. Правильное ведение собраний — одно из условии правильного решения вопросов.

Комната Вл. Ильича в Смольном

ИЛЬИЧ СПАСАЕТСЯ ОТ ШПИОНОВ КЕРЕНСКОГО

(*Из воспоминаний А. Шотмана*)

Вернувшись числа 12-го июля (1917 г.) в Питер, я получил приказ Ц. К. партии переправить В. И. Ленина в безопасное место. Вечером я приехал в Сестрорецк к т. Емельянову, где жил тогда В. Ильич... Узнав, что Вл. Ильич переселился на сенокос, я попросил немедленно проводить меня к нему. Хозяйка (жена Емельянова) позвала своего сынишку и предложила ему проводить меня.

Несмотря на поздний час (было около 11 час. вечера), мальчик, лет 12—13, с удовольствием согласился. Пройдя закоулками до берега залива, мы спустили на воду лодку. После путешествия около получаса по заливу и 10-минутной ходьбы среди болотного кустарника, мы подошли к огромному стогу сена.

После данного мальчиком сигнала, к нам вышло два человека. Было уже темно, и только слабый свет луны освещал закутанные в зимние пальто фигуры; в них я едва узнал Владимира Ильича и Зиновьева. После горячих приветствий, мы уселись у стога сена, и меня засыпали вопросами.

Несмотря на июль месяц, ночные болотные испарения давали о себе знать. Я дрожал в своем летнем костюме от пронизывающего холода. Спать легли мы в стоге, где заботливая рука тов. Емельянова устроила нечто вроде спальни. Несмотря на зимнее пальто, которым меня укрывали, и на то, что я лежал в середине между Лениным и Зиновьевым, я долго не мог заснуть от холода.

После этого я в продолжении двух с лишним недель приезжал из Питера через день—два, привозил им провизию, газеты и пр.

При первой же встрече было принято решение переехать в Финляндию, где при помощи финских товарищей можно было устроиться более или менее безопасно и удобно. Затруднения возникли в выборе способа переправы через границу, которая в то время охранялась необычайно тщательно. Проектов перехода через границу было несколько.

Остановились на плане, предложенном мною и тов Рахья. Наш план заключался в следующем: Ленин поедет в Финляндию на паровозе, в качестве кочегара, а Зиновьев останется в Петербурге, где для него уже приготовлена комната в Лесном Из болота было решено сначала перебраться на квартиру рабочего, тов. Кальске, там переночевать и уже оттуда пойти вечером на станцию „Удельную“, где тов. Ленин сядет на паровоз, а мы с тов. Рахья в этом же поезде будем сопровождать его на финляндскую территорию до станции „Териоки“, где в нескольких верстах от станции приготовлена надежная квартира.

Машинист, согласившийся взять к себе на паровоз тов. Ленина, был мне хорошо знаком еще с детства.

Когда все было приготовлено, тов. Емельянов предложил такой путь: пройти пешком до ст. „Левашово“, а оттуда поездом по Финск. ж. д. проехать до ст. „Удельная“ (от ст „Удельная“ до

К. Либкнехт

(15 Января 1919—1925 г.).

Ленинская неделя, с 15-го по 22-ое января, будет посвящена также памяти вождя революционных рабочих Германии—Карла Либкнехта.

Карл Либкнехт, сын известного немецкого социалиста Вильгельма Либкнехта, с малых лет рос в обстановке революционной борьбы. В годы его детства отец его сидел в тюрьме, и тогда уже в маленьком Карле зародилась ненависть к капиталистическому строю.

Карл Либкнехт стал одним из любимейших руководителей немецких рабочих, признанным вождем рабочей молодежи. За свою непримиримую борьбу с военщиной, с порядками в германской армии, в которой калечилась рабочая молодежь,—его присудили к трем годам крепости.

В годы войны, когда германские социалисты изменили своему рабочему классу и поддерживали немецкого императора Вильгельма, один Карл Либкнехт бесстрашно поднял знамя борьбы против империалистической войны.

В январе 1919 года Либкнехт—вождь немецких коммунистов—стал во главе рабочего восстания для свержения буржуазии и установления Советской Власти. Восстание было подавлено, и 15-го января Карл Либкнехт был убит озверевшими наемниками буржуазии.

квартиры около одной версты). После недолгого обсуждения, взвесив за и против, большинством принято было предложение тов. Емельянова.

Впятером побрели мы вдоль залива, сквозь кустарник, по направлению к Финляндской ж. д. Итти нужно было верст 10—12. Время было около девяти с половиной вечера, уже смеркалось. Шли гуськом молча, тов. Емельянов впереди, как знающий дорогу.

Розыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое, очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим кустарником и едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, набрели на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились.

Наконец, где-то прогудел паровозный гудок. Т.т. Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы уселись под деревом ждать их возвращения. У меня в кармане были три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. С'ели так.

Минуть через 10—15 вернулись наши разведчики с сообщением, что мы находимся близ ст., „кажется“, „Левашево“. Надо отдать справедливость Владимиру Ильичу: ругал он нас за плохую организацию пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трехверстку, почему предварительно не изучили дорогу и пр. За „разведку“ тоже досталось: почему „кажется“, а не точно узнали, какая станция. Всячески оправдываясь, мы побрели по направлению к станции.

Станция оказалась не „Левашево“, а „Дибуны“, находяшаяся всего в 7 верстах от финляндской границы.

У железнодорожного сторожа узнали, что последний поезд в Питер пойдет в 1 ч. 30 мин ночи. Оставалось ждать минут 15. В ожидании поезда мы уселись на конце перрона, на противоположной стороне станции, послав тов. Рахья на станцию проверить, на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись со станции с озабоченным лицом, он сообщил, что там стоит патруль из 10 до зубов вооруженных юнкеров.

Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться, что за люди вдруг появились на пустынном перроне. Я предложил т. т. Ленину, Зиновьеву и Рахья уйти под откос, в темноту, а сам с Емельяновым остался сидеть на месте.

Не успели они спуститься вниз, как к нам подходит вооруженный винтовкой юнкер и обращается к тов. Емельянову с вопросом, что он тут делает. Так как Емельянов к такому вопросу не был подготовлен, то понес чепуху, которая, повидимому, юнкера не удовлетворила, так как после фантастических об'яснений Емельянова он предложил ему следовать за ним. Моя особа, как более прилично одетая, повидимому, не возбудила в юнкере подозрений, так как он очень вежливо осведомился, не дачник ли я местный и не жду ли я поезда, идущего в Петроград, на что я ему тоже очень вежливо ответил утвердительно. Затем он молодцевато звякнул шпорами, повернулся и повел с собой повесившего нос Емельянова.

Вл. Ильич с кошкой

Не успел я очухаться, как подошел поезд. Как же мне быть, думал я, и решил остаться, чтобы завтра, проведя, остаток ночи и дня в лесу увести Ленина и Зиновьева в „Удельное“. Только я успел притти к этому решению, как передо мною появился человек с винтовкой, но на этот раз в форме ученика реального училища, и вежливо, но настойчиво докладывает: „Это — последний поезд, сегодня больше не будет. Вы на этом едете?“ Мне ни его больше не оставалось делать, как подняться на площадку вагона, что я и сделал.

Все это произошло так неожиданно, что я был буквально ошеломлен, ошеломлен до того, что выскочил из поезда не на ст. „Удельная“, где я должен был сойти, чтобы предупредить рабочего тов. Кальске о случившемся, а на ст. „Озерки“, т.-е., не доезжая 6 верст. Заметил я свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел.

Было уже около трех часов утра, когда я пришел к тов. Кельске. Когда я вошел к нему в комнату, я не верил своим глазам: на полу и глядя на мою растерявшуюся фигуру, хохотали: Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова, и как меня реалист чуть не штыком подсаживал в вагон. Вместе со мной в поезд сели и они, и, так как они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до

В мавзолее Ленина

Мы долго очереди ждали,
Но вот пришел и наш черед,
Мы—шапки вон, салют отдали.
И тихо мы пошли вперед.

Чем дальше,—тише и ровнее.
Раздался стук младых сердец
И грудь сдавило. В мавзолее
Лежит ведь Ленин—наш отец.

Он там лежал спокойный, бледный,
И мне казалось, встанет он;
Но вождь не встал: ведь вздох последний
Он испустил, ведь смерти сон.

Разбить не может даже гений.
Навеки он закрыл глаза...
И в сердце тысяч поколений
Найдется для него слеза.

Мы вышли... Яркий полдня час
Нас охватил, но мы молчали.
И в сердце каждого из нас
Остался уголок печали.

Пионер Юра Севрук.

ИЛЬИЧ ВЕДЕТ ЗА СОБОЙ ПРОЛЕТАРСКИХ ДЕТЕЙ ВСЕГО МИРА

ст. „Удельная„, а пока я плелся с „Озерков“, они успели поужинать и уже почти засыпали, когда я пришел...

Теперь предстояло, как можно скорей, предупредить жену тов. Емельянова об аресте ее мужа (на утро, впрочем, его освободили), чтобы она могла скрыть следы пребывании т. т. Ленина и Зиновьева.

На другой день, я поспешил на Выборгскую сторону, к машинисту тов. Ялава, который должен был в этот же день вечером отвезти Ленина в Финляндию.

Вечером, оставив тов. Зиновьева на квартире, мы втроем направились к станции. С замиранием сердца ждем у перрона прихода поезда. Наконец, подходит. На паровозе мелькнула знакомая фигура машиниста.

Жмем Ильичу руку и направляемся к паровозу. Ильич в парике, бритый, похож на настоящего финна. Вскочив на паровоз и засучив рукава, берет полено, бросает в топку.

Все идет хорошо. На каждой остановке мы с тов. Рахья выскакиваем из вагона, наблюдаем за паровозом,—сердце екает.

Поезд подходит к Белоострову, предстоит 20-минутная остановка и тщательная проверка документов, а, может быть, и обыск. Едва поезд остановился, находчивый тов. Ялава отцепляет свой паровоз и уводит его куда то в темноту, за станцию, набирать воды. Мы чуть не аплодируем. И пока бывшие жандармы проверяли документы, тов. Ялава где-то „набирал воду“. Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок, и минут через 15 мы почти в полной безопасности на финляндской территории.

Мы с тов. Рахья спешим к паровозу, радостно жмем руку Ильичу. У станции „Териоки“ приготовлены лошади, в четырнадцати верстах квартира.

■ ■ ■ ■

На могилу Ильича

Как будто сумерки настали,
Как будто холодно, темно,
Как будто ветры завывали:
На сердце горе нам легло.
Как будто солнышко за тучей,
Сокрыло луч свой золотой.
То ты ушел, наш вождь могучий,
Ушел Ильич наш дорогой.

Хоть ты ушел, но дух твой с нами..
Мы выполним твои заветы и мечты...
И в бой с сомкнутыми рядами пойдем туда, куда вел ты.
Глаза нам слезы застилают,
Но мысль твоя нам всегда видна...
Винтовку крепко зажимает красноармейская рука...

Так пусть надежды не питают
Враги рабочих и крестьян...
Ильич ушел... его заветы, с нами,
И мы глядим упорно вдаль...

А. Без'языков. 16 л.

Лев Зилов

МИЛЛИОННЫЙ ЛЕНИН

1 Нату и Тумай

В местах, которые мы видели
Только в книжках,
В знойной Калькуте, в Индии,
Жили двое маль-
чишек.
Все торговки их
знали
И все кондуктора
на трамвае.
Одного Нату звали,
А другого Тумаем.
Когда где-нибудь
пахнет скандалом
Или на фабрике
стачка,
Только их не доста-
вало
В придачу.
Раз как-то случи-
лось,
Что не выдали сполна за
работу,—
В гавани каша заварилась—
Грузчики ворвались в кон-
тору.
Избили всех мелких сошек,
Разнесли шкафы и телефоны
И требовали хозяев на площадь
Собственной персоной.
На рынке, в золоте вечера,
Красный шарф завился, как знамя;
Шли хозяев искать, а навстречу
Прискакали жандармы.
„Бей их"—крикнул богатырь-грузчик.
—„Бей их" — повторили Нату с
Тумаем.
Полетели камни, щебень и всякий
мусор,
Крикнули жандармы: „Стреляем".
Оказалось трех залпов довольно—
Бросились все, куда попало,
И остались на земле двое—
Грузчик и еще один малый.

2 Сказание о Ленине

Сразу тут всякого народа
Набилось на рынке темном
Из гавани и с заводов
Пестрым комом.
Окружили убитых с криком и гамом,
И какой то безумный нищий
Запел не о Буде и Браме,
А о ком то гораздо выше.
„Далеко, далеко,
У северных пределов Белайта,
Где холод жестокий,
Где моря и реки льдом
сжаты,
Где огонь день и ночь
змеится
Неугасимый,
Откуда бегут звери, летят
птицы
Туда, где теплые зимы...
В стране, осыпанной снегом
белым,
Как бумагой хлопчатой,
Стали рабочие люди безум-
но смелы
И пошли войной на богатых.
Отняли у них землю и
заводы,
Отняли всю власть и все
деньги
И на восток и на юг несут
свободу,
И ведет их
Ленин

Он такой же, как этот,
Как этот грузчик убитый,
Для него нет желтых и белых.
А только голодный и сытый,
Бегите, бегите
Туда, в царство льда и ночи.
Ведите, ведите
На помощь войска рабочих.
Придут они скоро, скоро,
Мы их восстаньем встретим;
Нам терять только голод
Да цепи".

3 В страну льда и ночи

Закричали Нату с Тумаем:
„Мы идем. Скажи, как итти нам.
Мы дороги туда не знаем,
Расскажи, как его найти нам".
Отвечал им нищий: „Пароходом
Вплоть до порта Саида океаном.
Там, в Саиде, гибель народа
И оттуда пути во все страны
Там спросите у нашего брата,—
Мы обходим весь мир, как тени,—
Как добраться вам до Белайта,
Где Ленин".
Ничего не сказал больше нищий;
Расступилися толпы народа,
А ребята неслись уже к молу,
Где готовились в путь пароходы

4 В кабаке

Утекли ребята без спроса
И пошли таскаться по рынку.
В кабаке увидали матросов,
Подошли к ним и стали хныкать:
„Надо нам в Константинополь,
У нас там папа и мама".
—Врете, азиатские микробы,
Говорите, что нужно, прямо.—
Рассказали Нату с Тумаем.
—Ишь,—говорят:—пострелята,
И они уж про Ленина знают...
Выпороть вас, ребята,
Да к родителям представить
Куда забрались, пойди ты.
Или дом-то у вас в канаве
И насчет родителей квиты
Сами мы к Ленину трафим
Да вас-то куда нам нужно.
Ну, бегите за нами
Да только дружно.

5 На „Каноссе"

Вышли, а ночь, как чернила,—
Ничего то не видно во мраке.
Только сирена вопила
Да колокол тренькал на баке
Вызвали шлюпку матросы,
Втащили ребят (вещи будто);
Влезли на ют „Каноссы"
И сволокли их в каюту.
Бирюзовое море
С нарядными островами
Уступы нагорий
С кружевами-лесами.
Соленый и теплый ветер,
Солнце, качка, бескрайные воды.
Хорошо жить на свете
Совершенно свободным.

6 Константинополь

Приплыли в Константинополь.
Говорят матросы: Прощайте
Вот вам и ваша Европа,
Вот вы и в Белайте.
Тут уже и близко,
Как-нибудь проберетесь—
Поклонитесь Ленину низко,
Если найдете.—
По горе в садах громоздился город:
Черепичные крыши, минаретов копья,
Купола мечетей в зеленом уборе,
Старинные башни, как надгробья.
Пошли ребята в Константинополь,
Вышли на площадь скоро,
Смотрят: валят толпы
И красные знамена в уборах.
Поют песню,
Окружили фонтан, а над фонтаном
Человек в феске
Кричит гортанно...
Слышут ребята: Ленин, Ленин...
И выводят другого,
В синей блузе, постарше,
А народ не дает сказать слова,
Кричит и флагами машет.

7 Это не Ленин

Говорит Нату: „Это—Ленин".
И пустились к фонтану напором,
А там, на ступени,
Один из матросов.
— Эй, куда вы без спросу.
Это не Ленин, а его товарищ..
Идемте со мной на „Каноссу",
Нас хотят в Одессу отправить.
Свезем уж вас, куда надо.—
Ну и радость была ребятишкам,
Нет с ними сладу,—
Так и скачут в припрыжку.

8 „В трюм, негодяи"!

На утро поплыли снова.
Прошли Босфором,

Мимо садов, дворцов и всяких диковин
В Черное море.
Уселись ребята
На носу парохода проворно,
У якорей, на канаты,
И смотрят вперед упорно.
Опять слепящий блеск моря;
Только оно здесь темнее,
Только в его просторе
Ветреней и холоднее.
Вдруг капитан—„Прочь отсюда,
В трюм, негодяи“.
А ребята ему: Оттуда
Не увидишь Белайта.—
Пнул ногой их, как кошек,
Разгорелись глаза. Как тигрята,
Впились в капитана.

9 Красное знамя

— Стой, не дадим вас, ребята,—
Закричала команда.
И скрутили капитана ремнями.
Прибежало начальство всем стадом,
Револьверы затрещали хлопками,
Но и их всех смяли матросы,
Сволокли в трюм, свободе не веря...
А в дали белесой
Затемнел берег.
— Белайт,—закричали ребята.
— Мы близко, мы близко, Ленин.—
„Давай свисток. Долой флаг проклятый.
Срывай,—красным заменим“.
Взвилась к мачте чья то рубаха.
„Ура“—Закричала команда.
„Довольно рабьего страха,
Нам чужого начальства не надо“.
От города выбежал катер,
Красным флажком играл.
Спрашивают:—Кто. Отвечайте—
„Свои“. Нату им с Тумаем.
С мостика ответили тоже
И гости появились на юте,
Совсем не похожи
На властей от Босфора до Калькуты,
А простые матросы.

10 Ленин умер

Переправились ребята в город,
Поручили их там комсомольцам.
Но вместо красных флагов, висели черные,
Креп обвил причальные кольца,
Когда ребята спросили,
Что значит такая замена,
Почему так песни унылы,
Барабаны так глухо забили,—
Им ответили:
„Умер Ленин“.

11 Пепел от солнца

Значит теперь не дождаться
Помощи из Белайта.
Теперь, может статься,
И здесь станет хуже каземата.
Скуют цепями рабочих,
Сорвут красные знамена
И будет страна льда и ночи
Страною рабства и стонов...
— Мы хотим хоть труп его видеть—
Сказали они комсомольцам.
— Пусть хоть пепел от солнца,
Если самое солнце убито.—
„И мы едем тоже
С ним проститься“...
Ответили белокожие
И нахмурили лица.

„Мы возьмем вас с собою,
Вы увидите все, что хотели".
И труба затрубила к сбору,
Барабаны затарахтели.

12 Черный путь

На каждой станции, в каждом
городе,
В каждом селе и деревне
Сквозь поездной грохот
Они слышали печальное пенье.
Они видели толпы немые
С черными знаменами—
Шли рабочие продымленные
Колоннами;
Шли дети и женщины,
Пели медные трубы,
Пели люди в рядах неспешных,
Раскрывая горькие губы.
Но чем дальше бежал их
поезд
И дольше они слушали
пенье,
Им казалось, что пенье к бою,
Что не умер, не умер Ленин.

13 Пожарища

Все страшней становилась стужа,
Все железней сковывал воздух,
Люди кирками дружно
Разбивали, как камень, воздух.
Ехали мимо черных пожарищ,
Огороженных свежими столбами,
Вокруг тянулись казармы
И дышали дымками.
В многосветных новых строеньях
Ухали и жужжали машины,
Груды песку и каменьев
Поднимали из снега спины.
— Почему так много пожаров,—
Спрашивали Нату с Тумаем.

„Богачи не отдали даром
То, что мы у них отнимали.
Здесь места недавних сражений,
Здесь погибло товарищей много—
Мимо кладбищ и разрушений
Наша дорога.
Но мы раны почти залечили,
Новые строим заводы.
Воздвигаем дружным усильем
В год, на что уходили годы".

14 Миллионный Ленин

Раскрылся ледяной город
В золотых колпаках и шпилях
Дымы вздымались хором
Безмолвно в морозной могиле.
Воспаленное солнце светило спросонку,
Висло сводом тяжелым небо.
Земля стала чугунно-звонкой,
Деревья колоннадой медной.
Трепетали поблекшие знамена,
Поседевшие черные полотна;
Барабаны в воздухе плотном
Гремели похоронно.
Но когда они от вокзала
Бежали Москвой вечерней,
В жгучем морозе звучали
И марш, и пенье уверенней.
Костенело в губах дыханье,
Мозг был стиснут клещами,
Воздуха колыханье
Било ледяными краями.
Раздалась дымно сизая площадь
Со стеной розовато-бурой.
Шли седые за лошадью лошадь
И люди в звериных шкурах.
Ревели гудки, грохотали орудия,
И десятки тысяч рабочих
Им открыли великое чудо
Страны льда и ночи:
Вот он кто, этот Ленин,—
Не труп, пронесенный в погоду,
Под огни засиявшие радугой,
А люди, проходившие с пеньем.
Площадь колыхалась рядами,
Стужа под марш скрежетала,
Плясало
Костров клокотавшее пламя.
Вот он—Ленин Белайта
Он принесет свободу
Под этих песен раскаты
Из стужи в зной всем народам.
Опустив торжественные знамена,
Бесконечными рядами, под пенье
Труб, гудков, орудийного грома,
Проходил миллионный Ленин.

■ ■ ■

НАША ЖИЗНЬ

„Детский Комсомол"

Недавно гомельская пионерская организация справляла первый годичный юбилей своего существования.

Год тому назад в комсомольском клубе начали появляться новые посетители, дети.

С каждым днем их становилось все больше.

Через несколько времени из их же среды выделяется инициативная группа с целью создания „Детского Комсомола".

Через некоторое время дети получают нижний этаж клуба. Где то раздобыв столик и скамейки, они устроили свой „собственный" клуб, и в этом клубе мы видим уже сотни детей.

Они устраивают свои собрания. Какие вопросы разрешались на этих собраниях—теперь припомнить трудно. На всех собраниях кого-то, куда-то избирали. Создавали какие-то комитеты и комиссии. Судили забияк и драчунов. И так каждый вечер.

Через некоторое время в клубе уже происходят читки разных книженок. Книжки читались без разбора и подбора, навряд ли они приносили пользу.

Но в это время единственной отрадой служило то, что детей интересуют эти читки.

Вот происходит собрание. На повестке дня: прием новых членов. Перед председателем пачка заявлений. Написаны неразборчиво, детской рученкой и все—в детский Комсомол.

Один парнишка не был принят. Выйдя на улицу, он заплакал, а потом подошел к окнам и прямо кулаком бац... бац... бац... и три стекла рассыпались мелкими осколками.

И так, с каждым днем увеличивая ряды, существовала организация. Называлась она „Детским Комсомолом". Кто дал ей это название—никто из „стариков" никак не припомнит.

Работала эта организация без посторонней помощи. Каждый день приводил с собой все новых членов.

Вот малыш. Старая шапчонка с‘ехала на бок, из-под нее чуть-чуть выглядывает русая головка. Кажись, вчера его не было.

— Ты откуда, парень?—спрашиваю его.

— Я с Кузнечной (улица в городе).

— А как сюда попал?

— Товарищ привел. Я хочу к вам, в Комсомол, записаться.

— А сколько тебе лет?

— Семь.

— Рано, брат, еще в Комсомол.

Глазки неудовлетворенно забегали. Вот, вот, казалось, потекут слезы.

— Мой отец — рабочий, и я уже все понимаю, а почему, вон, Мишка записался, вот мое заявление,—не унимаясь, обиженным тоном продолжал он.

И так каждый день, всякий, раз побывавший в клубе, приводил с собой на следующий день 2—3 товарищей.

Вначале в работе преобладали спорт и шагистика. Но в среде самих детей назревает сильное недовольство.

— Нет, не это нам надо,—говорили они.

— А чем бы вы хотели заниматься,—спрашивали их.

— Мы хотим очень многого, а в первую очередь, чтобы нас воспитали.

Учите нас тому, чему и взрослых комсомольцев.

Сейчас гомельская организация насчитывает около 300 „юных пионеров". Каждый завод и предприятие имеет свой отряд.

Рабочие прониклись глубоким уважением к организации и охотно посылают туда своих детей.

Так из „детского Комсомола", стихийно созданного кем-то из „сорви-голова"—выросла могучая организация рабочей детворы.

И. Волгин

В следующем номере читай автобиографию Н. К. Крупской

Как мы проводили комсомольское рождество

25-го декабря мы ставили вечер для неорганизованных ребят.

За две недели до комсомольского рождества все городские отряды готовили какие-либо вещички: пьеску, спортномера. Наш второй отряд готовил пьеску „Чудо“, „Про Анисью, покойника, ведьму и чорта“.

В день рождества к 6 часам в клуб им. Ленина стала стекаться публика. Пришло несколько отрядов, 300 человек допризывников, много других ребят и родителей пионеров.

В начале вечера был сделан доклад на религиозную тему и потом доклад о жизни тов. Ленина со световыми картинами.

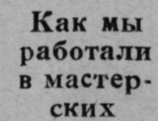
Публика смотрела и слушала с большим вниманием, не пропуская ни одного слова. Потом были пьески и спортномера. И эти отделения публике понравились.

В антрактах допризывники и пионеры пели революционные песни. После спектакля начались игры, в которых, наравне с пионерами, принимала участие и неорганизованная детвора.

Пикор 2-го отряда **Жихарев Ким**
г. Данилов

Тов. РЫКОВ—среди пионеров отряда при Белор.-Балт. ж. д.

Как мы работали в мастерских

Своих пионерских мастерских у нас нет, но большинство пионеров нашего отряда работают и учатся в 3 самарской профтехшколе, при которой отряд и находится.

В столярной мастерской.

С 8 часов утра до 12 час. дня у нас в школе идут общеобразовательные занятия, и после перерыва на обед мы гурьбой отправляемся в мастерские. Длинная мастерская, с целым рядом верстаков с расставленными тисками на них и разными станками по сторонам, вмиг оживает. Повсюду мелькают красные косынки, бодрые, задорные лица. Стук молотков, звон рассекаемой стали и резкое визжание распиливаемого железа—все это сливается в одно мощное целое. И для того, чтобы во время работы что-нибудь сказать, надо кричать на ухо.

Имеются у нас и станки, приводимые в движение электромоторами. Работают около них также пионеры. Стоит у огромного железного зверя, вертит маленькими колесиками, и сосредоточенно следит за движениями резца. Кроме слесарно-механической есть еще и столярно-токарные мастерские, в которых также работают пионеры. Для того, чтобы сделать работы для пионерских уголков, мы остаемся после окончания работ в мастерской и с еще большим рвением принимаемся за работу. Мы уже сделали полный комплект слесарных инструментов, в уменьшенном виде, но вполне пригодных для работы.

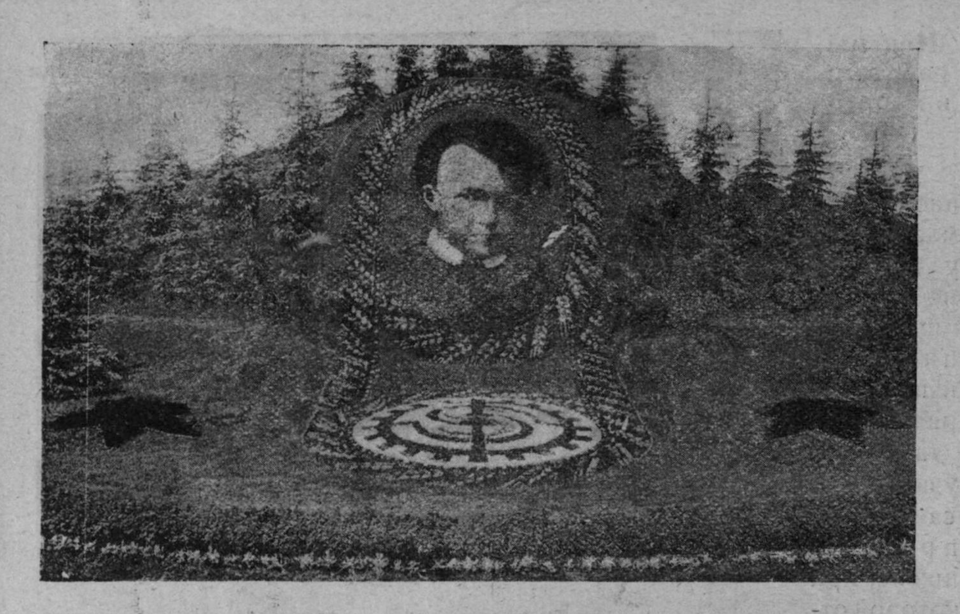
Также сделали много столярных и токарных вещей, разные станки, как, например, гончарный, станок для распилки дерева и т. д.

Работаем в мастерских с 2 ч. дня до 6 ч. вечера. Кончаем когда уже темно, и в каждом уголке мастерской ярко горят многочисленные электрические лампочки.

А с работы, поспешно умывшись, прямо в клуб, на звеньевой сбор. И только часов в 9 веч. расходимся по домам.

Пикор 7 отряда **Ландау, И. Г.**

Самара.

Портрет Ильича из цветов, на сквере Советской пл. в Москве

НАШИ НЕДОСТАТКИ

Вот так пионеры!

Ребята 10-го отряда Красной Пресни как только придут на сбор, то начинают возиться мальчики с девочками. А когда им станешь говорить, то они еще хуже начинают возиться. А девочки наши даже сами другой раз пристают к мальчикам.

Таким пионерам и пионеркам не место в пионерском отряде.

Когда у нашего вожатого отряда лежала при смерти мать и его отпустили на 3 дня, то Королева, наша пионерка, в один прекрасный вечер подняла такую возню с мальчиками, что на их шум сбежались все жильцы (наш отряд находился в квартире, где жили еще кроме нас). Пионеры и пионерки 10-го отряда, а особенно Королева, подтянитесь,—так нельзя.

Пикор **Кирьянов**.

„Это так не годится"

Новый журнал „Пионер" пришел.

Прочитали несколько статеек, дошли до отдела „Прошу слово". А ну-ка, что это? Бросилась в глаза статья „Так не годится".

— Э! Да это рыбинцы пишут... Гляди, ребята, Ванька Симонов со своим звеном из 4-го Горотряда. Читаем вслух... „только вот беда, 3 Конаевский отряд отстает".

— Насторожились ребята... лица вытянулись...серьезные стали... слушают внимательно и, по мере чтения, все удлиняются и делаются удивленными рожицы ребят. — Ребята. Да что это? Нумерация - то нашего отряда, разбирай по пунктам...

1. В Конаевском отряде появились вместо вожаков—начальники, что в Пионер-отряде быть не должно.

— Ребята, не про наш, у нас нет начальника. Читай дальше.

2. Отказываются от общественной работы, когда была уездная выставка, отказались от участия и неизвестно почему.

Тьфу-ты. Вот дурачье-то. Да ведь были и наши экспонаты посланы на выставку правда, мало, т. к. мы готовились в это время к открытию нашего пионерского клуба, но были: Вышитый портрет Ильича и к нему от сделанного самими ребятами аккумулятора была проведена лампочка Ильича, и еще кое-что. Вероятно, звено Симонова, во главе с вожаком, в комнате выставки не было, так советуем сходить хоть сейчас убедиться, что и мы, по силе возможности, участвовали в выставке.

3. В клубе работают полтора года, а открытие сделать не могут. Вот и враки. Мы-то всего и не полтора года, вероятно, там ошибка, а полтора месяца, как отпраздновали открытие своего клуба. Ну все, что-ли? Нет еще есть.

4. Вожаки дерутся, несмотря на то, что они—члены РЛКСМ. Ха, ха, ха. Ну, уж это совсем не про наш— заливаются весело ребята,—совсем не про наш, заврались. Ребята,напишем опровержение в „Пионер", а то, ведь, стыдно, везде ведь, по всей республике разошлись №№ „Пионера".

Посылаем Вам свою статью, а Ваньке Симонову со звеном от всего отряда желаем успеха в дальнейшей работе, во-первых, а во-вторых, глаза пошире раскрыть и знать работу во всех отрядах своих же братьев пионеров рыбинцев.

Привет от всего 3-го Кипаевского Отряда Юных Пионеров Рыбинской Организации, редколлегии „Пионера".

С комсомольским приветом—3 вожатых: Зина, Зоя и Галя.

Товарищи, слишком плохо то, что мы поздно, спохватились связаться с „Пионером". Но лучше поздно, чем никогда.

Это наш первый толчек к „Пионеру".

Вожак отряда— **Зина Теплова**.

Все вышенаписанное подтверждает Председатель Д. К. г. Рыбинска **М. Гофинович**.

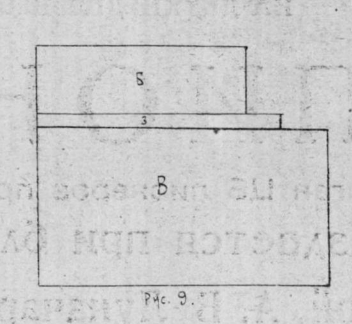
СОДЕРЖАНИЕ № 1.

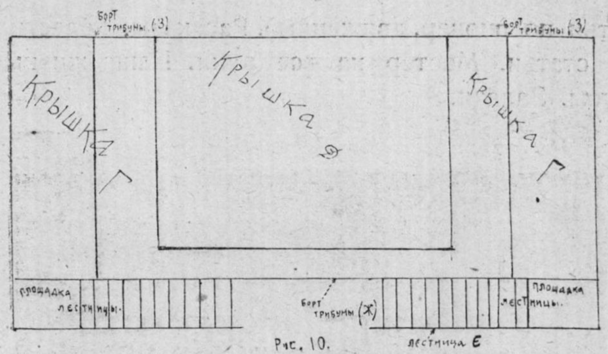
Издательство „Молодая Гвардия".

**Редакционная коллегия.
Ответств. редактор. Х. Добин.**

Главлит № 32673. Военная Типография Управления РККА. Знаменка, 23. Тираж 25.000.

Положение этих лестниц показано на рис. 8 и рис. 10, причем на рис. 8 показана лестница лишь с одной стороны мавзолея, но такую же надо поставить и с другой.

Затем делаем две дощечки Ж (рис. 6) длиной 36 см. и высотой 3 см. Эти дощечки, поставленные на ребро, образуют переднюю и заднюю части борта (см. рис. 8 и 10). Для боковых частей борта (рис. 7, 3) делаются дощечки в 19 см. длины и 3 см. высоты.

Борт Ж ставится на 2 см. перед передней стенкой А. Задний прикрепляется непосредственно к стенке мавзолея, имея свободные концы. Концы заднего и переднего бортов соединяются боковыми дощечками З.

Этим заканчивается вся наша работа из фанеры. Остальные части (ступени и колонки), указанные на рис. 8 (выше пунктира), делаются из толстых дощечек и брусков.

Все ступени верха мавзолея образуются из наложенных одна на другую гладких дощечек различной толщины, причем накладывать надо аккуратно, так, чтобы у ниже лежащей ступени со всех 4-х сторон были бы равные поля.

Первая ступень (рис. 8, 1) делается—91 см. длины, 11 см. ширины и 2 см. толщины.

Вторая ступень—15 см. длины, $9^1/_2$ см. ширины и $1\ ^1/_2$ см. высоты.

Третья ступень — 13 см. длины, 7 см. ширины и $1^1/_2$ см. высоты.

Четвертая ступень — 11 см. длины, $5^1/_2$ см. ширины и $1^1/_2$ см. высоты.

Пятая ступень (выше колонок)—11 см. длины, $5^1/_2$ см. ширины и $^1/_2$ см. высоты.

Шестая ступень—9 см. длины, 5 см. ширины и 1 см. высоты.

Седьмая ступень—7 см. длины, 4 см. ширины и 1 см. высоты.

Восьмая ступень — $5^1/_2$ см. длины, 3 см. ширины и 1 см. высоты.

На 4-ю ступень ставятся квадратные колонки черного цвета — 3 см. высоты и 1 см. по каждой стороне квадрата.

Колонки ставятся на 1 см. от бокового края ступени и на $^1/_2$ см. от среднего и заднего. Впереди и сзади ставятся по 5 колонок на расстоянии между ними по 1 см. и с боков между этими двумя рядами по 1 колонке. Всего 12 колонок.

Сверх колонок кладется пятая ступень.

Сделав описанные части, мы будем их соединять, слаживать так, как это показано на рис. 8 (вид спереди), 9-м, (вид сбоку) и 10 (вид сверху), при чем на рис. 9 и 10 мавзолей дан без верхних ступеней, т.-е., без тех, которые на рис. 8 отделены пунктиром.

После соединения всех частей, мавзолей в основном готов. И только при желании более лучше отделать его, можно сделать мелкие подделки. Так например, выкрасить его светло-ореховой краской, набить планочки по верхнему краю боковых стенок и лестницы. Можно также сделать лестницы на трибуны. Для этого берется сплошной брусок 11 см. высоты, 18 см. длины и 5 см. толщины. Сверху этих брусков оставляется небольщая площадка, от нее идут вниз равные ступени; такая лестница вставляется между передней стенкой А и лестницей Е.

Весь собранный мавзолей хорошо поставить на гладкую доску и сделать из тонкой проволоки решетку вокруг него. Форму этой решетки можно увидать на любом снимке.

А. Жданов, Вожатый 71 отр. Замоскворечья.

Ребус

Цена 30 коп.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 1925 год

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„ПИОНЕР"

орган ЦБ пионеров при ЦК РЛКСМ

Журнал издается при ближайшем участии:

т.т. Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и Ем. Ярославского.

Постоянные отделы журнала: Слушай пионер! (руков. статьи по пионер. движению). Рассказы, повести, стихи. Общественно-историч. очерки. Научно-популярн. статьи. Мастер на все руки. Наша жизнь. Физкультура. Юмор. Ребусы. Задачи.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1925 год	за 24 №№	5 р. 60 к.
На полгода	за 12 №№	2 р. 95 к.
На 2 месяца	за 6 №№	1 р. 55 к.
На 1 месяц	за 2 №№	— р. 60 к.

Цена отдельного номера 30 к.

В 1925 году ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ в качестве приложения 12 №№ фото-газеты „ПИОНЕРА" в красках.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Новая площ., 8.

